

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

*Зеркало
памяти*

*Фанетка у нас
не красавица, да
еще и заикается.
Бедная девочка.*

Одиночество – это
когда в доме есть
телефон, а звонит
будильник.

Извращений,
собственно, только
два: хоккей на траве
и балет на льду.

Муля, не нервируй
меня!

Жизнь – это
небольшая прогулка
перед вечным сном.

Я – выкидыш Станиславского

Зеркало памяти

Фаина Раневская

Я – выкидыш Станиславского

«Издательство АСТ»

2019

УДК 792.2(470)(092)
ББК 85.33(2)-8

Раневская Ф. Г.

Я – выкидыш Станиславского / Ф. Г. Раневская — «Издательство АСТ», 2019 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-119564-9

Это первая книга, в которой представлена не только полная биография актрисы и фактически самого популярного автора российского книжного рынка, но и все знаменитые, колкие, остроумные, язвительные афоризмы Фаины Раневской. Только она могла ответить детям, которые окружили ее с радостными возгласами «Муля! Муля!» – «Пионеры, идите в ж*пу». И только она могла сказать: «Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном».

УДК 792.2(470)(092)
ББК 85.33(2)-8

ISBN 978-5-17-119564-9

© Раневская Ф. Г., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Андрей Шляхов	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Фаина Георгиевна Раневская Я – выкидыш Станиславского

Андрей Шляхов
Любовь одинокой насмешницы

Пролог

От таганрогского железнодорожного вокзала до дома, где родилась Фаина Раневская, рукой подать. Можно дойти пешком за четверть часа. Пройдете мимо помпезного здания краеведческого музея, мимо дома, где когда-то ставил любительские спектакли Антон Чехов. Почтовое отделение, школа...

Вы уже пришли. Вот он – двухэтажный кирпичный домик с балконом. И Раневская здесь же.

Она стоит на тротуаре возле своего дома и смотрит прямо перед собой.

А может, и не совсем прямо, а чуть выше и правее – на тот самый балкон, где Фане Фельдман так славно мечталось ласковыми теплыми южными летними ночами.

Давно прошли те времена, а летние ночи в Таганроге все те же – ласковые и теплые. И дом сохранился, только живут в нем совсем другие люди. Выходят на балкон подышать свежим воздухом, видят Раневскую в образе Ляли и всякий раз, должно быть, улыбаются про себя, вспоминая вечное: «Муля, не нервируй меня!»

Вы спросите: почему они должны вспоминать именно эту фразу? Разве мало на свете других запоминающихся фраз?

Я не стану спорить – фраз хватает. Но когда смотришь на Лялю из фильма «Подкидыш», ничто другое, кроме «Муля, не нервируй меня!», на ум не приходит.

Казалось бы, пустячок – всего четыре слова. А вы попробуйте! Придумайте сами коротенькую фразу и произнесите ее так, чтобы запомнили все. Чтобы эта фраза стала вашей визитной карточкой...

Ей могли поставить другой памятник. Высоченный пьедестал, на котором в кресле сидит великая актриса и думает о вечном... Такой памятник, безусловно, воплотил бы величие Раневской, но не передал бы ее сущности. Великие актрисы – они ведь тоже бывают разные. Смотришь на одну и понимаешь, что она ни на кого не похожа, а взглянешь на другую – и сразу вспомнишь соседку тетю Машу. Или школьную учительницу химии. Или продавщицу из магазина на углу. Или еще кого...

Лялю из «Подкидыша» можно найти на каждой улице, в любом из городов. Так же, как и Мачеху из «Золушки», Розу Скороход из «Мечты» и «Королеву Марго» из «Легкой жизни».

Фаина Раневская не играла своих персонажей, она становилась ими, жила их жизнью, мечтала, страдала, надеялась, чувствовала и думала так же, как это делали они.

На доме висит мемориальная доска, сообщающая, что здесь «родилась, провела детские и юношеские годы выдающаяся артистка, лауреат Государственных премий Фаина Георгиевна Раневская».

На доске не указаны даты.

И правильно – зачем они нужны?

Однажды в телевизионном интервью Фаина Георгиевна вспоминала свою насыщенную сменами многочисленных театров юность. Отвечая на вопрос ведущей о причинах столь бурной деятельности, Раневская сказала:

- Я искала настоящее святое искусство!
- И наконец нашли его?
- Да!
- Где же?
- В Третьяковской галерее.

Глава первая Таганрог

*Весенним солнцем утро это пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы...*

Анна Ахматова. «Обман»

«Таганрог – совершенно мертвый город. Тихие, пустынные, совершенно безлюдные улицы, засаженные по обеим сторонам деревьями в два ряда – акациями, тополями, липой, из-за которых летом не видно домов... Отсутствие движения на улицах, торгового оживления, мелкий порт, не позволявший большим судам подходить близко к Таганрогу, пустынные сонные бульвары у моря и над морем – и всюду тишина, мертвая, тупая, подавляющая тишина, от которой... хочется выбежать на улицу и закричать „караул“. Тихим очарованием печали и одиночества, заброшенности, медленного умирания веет от безлюдных широких улиц, заросших деревьями, погруженных в дремотное безмолвие; кажется, пройдет еще несколько лет – и буйно разросшиеся акации и бразильские тополя погребут под собой город, и на его месте зашумит густой, непроходимый, дремучий лес».

Таким виделся родной город Антону Павловичу Чехову.

С ним был солидарен писатель-публицист (и между прочим, страстный балетоман) Валериан Яковлевич Ивченко (литературный псевдоним В. Я. Светлов):

«Таганрог – очень неинтересный город для принужденных постоянно обитать в нем, и главным образом неинтересный по климатическим условиям: жара в нем стоит неестественная, доходящая летом до 48–50 градусов, а холод зимою до 20 и больше...

Таганрог производит на человека, попавшего в него в первый раз, странное и унылое впечатление выморочного города: улицы пустынные, как в Помпее, ставни у всех домов наглухо закрыты; изредка попадаетесь неторопливо идущий прохожий; даже на главной, Петровской, улице летом нет никакого движения, а зимою – лишь небольшое, да и то в определенный вечерний час...

Не имея канализации, водопровода и стоков, город не может быть действительно чистым; в особенности отвратительно в нем содержание ассенизационного обоза, распространяющего по вечерам невероятное зловоние на улицах. Несчастные обыватели только что открыли ставни и окна, желая воспользоваться наступившей хотя бы относительной прохладой, как уже приходится закрывать окна, чтобы спастись от мчащегося с грохотом обоза».

Были, однако, люди, которым Таганрог нравился. Люди, которым здесь жилось хорошо.

Таганрог для Гирша Хаимовича Фельдмана был не мертвым, а живым городом. Нескучным. Городом, в котором жизнь была ключом, кипела, бурлила.

Химическая фабрика по производству сухих красок, несколько домов, склады, магазины, нефтяные промыслы и пароход «Святой Николай»... Владея и управляя подобным состоянием, скучать некогда. Кроме того, Гирш Фельдман был старостой синагоги и председательствовал в еврейском благотворительном обществе города Таганрога.

В «Книге для записи сочетания браков между евреями на 1889 год» таганрогский раввин по фамилии Зельцер 26 декабря 1889 года зарегистрировал брак мещанина местечка Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии Гирша Хаимовича Фельдмана и девицы – лепельской мещанки Витебской губернии Мильки Рафаиловны Заговайловой. Жениху было двадцать шесть лет, а невесте – семнадцать.

Зарегистрировав этот брак, ребе Зельцер, сам того не ведая, обеспечил себе место в истории. Ведь именно те, кого в ту далекую зиму он благословил на долгую и счастливую жизнь вместе, станут родителями одной из самых ярких, самых талантливых актрис двадцатого столетия – через пять с половиной лет после свадьбы, 27 августа 1895 года в семье Фельдманов родилась дочь Фаина.

Гирш Фельдман был типичным деловым человеком, которого в первую, вторую и третью очередь интересовали только деньги, а невеста – трепетной особой, красавицей, преисполненной высоких чувств. Экзальтированная натура, поклонница литературы, музыки и прочих искусств, обожавшая, кстати говоря, Чехова.

«Существует понятие „с молоком матери“. У меня – „со слезами матери“. Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, – она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшном горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери – газета: „...вчера в Баден-Вейлере скончался А. П. Чехов...“»

Раневская говорила, что в этот день кончилось ее детство.

А было ли оно у Раневской вообще – детство? Не как отрезок времени в жизни человека, а как прекрасная пора, полная чудесных открытий, родительской любви и беззаботного веселья?

«Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве», – писала Раневская. К одиночеству она начала привыкать с малых лет, правда, так с ним и не смирилась до самого конца жизни.

Маленькая Фаина, как это нетрудно представить, не любила Новый год, этот чудесный праздник с наряженной елкой и кучей подарков. Причина была проста: на праздники признанную красавицу, старшую сестру Беллу наряжали словно принцессу. В прелестном наряде та казалась еще обольстительнее, чем обычно. Окружающие восхищались Беллой, порой преувеличенно восторженно, чтобы польстить отцу, не чаявшему души в очаровательной дочери, и совершенно забывали про некрасивую и неуклюжую заику Фаину, завистливо наблюдавшую за очередным триумфом сестры со стороны. Ей, как и всякому ребенку, хотелось похвал, внимания, аплодисментов, но всего этого девочка была лишена и оттого чувствовала себя несчастной, никому не нужной.

Существует теория, утверждающая, что всю свою жизнь человек инстинктивно старается добрать то, что недополучил в детстве. Кто-то покупает себе, любимому, дорогие игрушки, кто-то забивает шкафы нарядами, а кто-то не мыслит и дня без изысканных блюд. Вполне возможно, что главным стимулом творческого пути Раневской-актрисы стала жажда внимания, жажда признания, жажда восхищения со стороны окружающих.

Кто знает – будь детство Фаины Фельдман другим, таким, как ей самой хотелось его видеть, мир мог бы остаться без великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской. Зато одним счастливым человеком на земле стало бы больше, а это тоже много значит. Увы, время нельзя повернуть вспять...

У четы Фельдманов было четверо детей: первенец Белла, Яков, Фаина и Лазарь, умерший ребенком. Трудно сказать, какие отношения царили в семье Фельдманов, но по воспоминаниям Фаины Георгиевны до идеальных им было далеко. Возможно, маленькая Фаня была чересчур ранима, как это свойственно артистическим, творческим натурам. Возможно, она излишне замыкалась в себе, стесняясь своего заикания, а возможно, в обеспеченной семье Фельдманов, как и во многих других семьях, считалось, что главное – это чтобы дети были сыты, хорошо одеты и, слава богу, здоровы, а на все остальное внимания просто не обращали.

По собственному признанию, Фаня боялась и не любила своего отца и обожала мать, от которой унаследовала чувствительность, артистичность, любовь к музыке, чтению, театру.

Фельдманы не бедствовали. Они жили на широкую ногу. Дом – полная чаша, множество прислуги, дача под Таганрогом. Летом дача обычно пустовала – Фельдманы проводили это время года в Швейцарии, Франции или Италии.

Воспитание в семье Фельдманов, как и полагалось в те благословенные времена, было очень строгим. За любой провинностью следовало наказание, причем нотацией или стоянием в углу дело ограничивалось не всегда. Случались и порки. Так, например, когда Фаина со старшим братом Яковом однажды сбежали из дома и были пойманы по дороге на вокзал городским, дома их ждала порка, а не зажаренный упитанный телец, которым положено встречать блудных детей.

В Фаине рано проявились творческие наклонности. Еще в раннем детстве она испытывала непреодолимое желание повторять за дворником все, что он говорит и делает. На дворнике останавливаться не стала – изображала всех, кто только попадался на глаза. «Подайте Христа ради», – канючила вслед за нищим; «Сахарная мороженая!» – вопила вслед за мороженщиком; «Иду на Афон, Богу молиться», – показывая приторно благочестивую паломницу, четырехлетняя девочка шамкала «беззубым» ртом и ковыляла с палкой, согнувшись в три погибели.

Актрисой себя Фаина почувствовала в пятилетнем возрасте. У Фельдманов был траур – умер Лазарь, младший брат Фаины. Жалея его, она плакала весь день, но все же, улучив момент, отодвинула занавеску на зеркале (обычай требовал занавешивать зеркала, если в доме находится покойник, чтобы душа его не страдала, не находя в них своего отражения) посмотреть, как она выглядит в слезах.

Фаину с детства влекло к талантливым людям, она признавалась, что искренне завидовала их таланту. Так, когда в гости к старшей сестре Белле приходил гимназист, который читал ей наизусть стихи, не забывая при этом вращать глазами, взвизгивать, рычать тигром, топтать ногами, рвать на себе волосы и заламывать руки, Фаина трепетала от восторга, а рыдания чтеца в завершение декламации доводили ее до экстаза.

В положенное время Фаина Фельдман была принята в Мариинскую женскую гимназию, располагавшуюся на Атаманской улице (здание гимназии не только сохранилось до наших дней, но и профиль свой не изменило – там и сейчас располагается гимназия «Мариинская», бывшая школа-гимназия № 15).

Учеба не заладилась с первых же дней. Преподаватели объясняли непонятно и были чрезмерно строги, а сверстники то и дело насмехались над робкой, застенчивой и вдобавок заикающейся девочкой. Никто не хотел дружить с Фаиной (проучившись в гимназии несколько лет, она так и не завела ни одной подруги), но вот поиздеваться над безответным созданием хотелось всем.

Раневская никогда не скрывала, что училась она плохо, никак не могла усвоить четыре правила арифметики, гимназию ненавидела, оставалась на второй год. Учиться ей было неинтересно. Задачи, в которых купцы продавали сукно дороже, чем приобретали, были скучны и непонятны. Фаина решала их со слезами, ровным счетом ничего в них не понимая. Возможно,

что врожденное отсутствие интереса к наживе навсегда сделало Раневскую крайне нерасчетливой и патологически непрактичной особой.

Фаина умоляла родителей пожалеть ее и забрать из гимназии. Одна из гимназических учительниц, решив подбодрить Фаину, подарила ей медальон с надписью «Лень – мать всех пороков», который Раневская с гордостью носила.

Ценой невероятных страданий Фаина проучилась в младших классах и наконец-то смогла упротить родителей положить конец ее гимназическому образованию. Обучение продолжилось дома, тогда это было в порядке вещей. К Фаине стали приходить учительницы из покинутой ею гимназии и репетиторы – усатые гимназисты старших классов. Впоследствии всю свою жизнь она сама училась наукам, увлекавшим ее, и по собственному утверждению, возможно, и была бы «в какой-то мере грамотна», если бы этому не мешала плохая память. Раневская любила читать и всю свою жизнь читала запоем. В детстве она часто плакала навзрыд над книгой, в которой кого-то обижали. Вместо утешения у девочки отнимали книгу, а ее саму ставили в угол.

Программа «домашней гимназии» была несложной: девушке из приличной семьи полагось иметь хорошие манеры, уметь петь, музицировать, сносно объясняться на одном-двух иностранных языках, чтобы слыть образованной особой и стать впоследствии хорошей женой.

Гимназическую неприязнь к педагогам (весьма часто – заслуженную, ибо в то время педагогика была сурова и более походила на муштру) Фаина перенесла и на своих домашних учителей и воспитателей. По собственному признанию, она ненавидела свою гувернантку, ненавидела бонну-немку. По ночам Фаина молила Бога, чтобы бонна, любившая кататься на коньках, упала и расшибла себе голову до смерти.

Не надо делать поспешных выводов и считать Фаню Фельдман монструозной личностью на основании того, что она желала смерти бонне. Детям это свойственно – желать смерти кому-то из близких и рыдать, заливаясь слезами, над судьбой малютки Оливера Твиста. Со временем плохое проходит, а хорошее остается, правда, бывает и наоборот. Да и бонны бывают разные – кому-то попадается Мэри Поппинс, а кому и фрекен Бок. (Кстати, знаете, кто озвучивал фрекен Бок в советском мультфильме про Малыша и Карлсона? Фаина Раневская!)

Фаня росла впечатлительной девочкой. Так, однажды в детстве она увидела «цветной» фильм (цветных фильмов в современном понимании тогда, конечно, не было, скорее всего это была раскрашенная вручную пленка) – сцену из «Ромео и Джульетты». Можете представить восторг двенадцатилетней мечтательницы, наблюдающей за тем, как по приставной лестнице на балкон взбирается юноша неописуемой красоты, а на балконе появляется столь же неописуемо красивая девушка. Молодые люди падают друг другу в объятия, целуются... От восхищения юная Фаня разрыдалась – столь сильным было это потрясение.

Вернувшись домой, она кинулась к своему богатству – копилке в виде фарфоровой свиньи, набитой мелкими деньгами. Опынев от встречи с искусством, дрожащими руками схватила она копилку и без сожаления швырнула ее себе под ноги, на пол! Все деньги, которые оказались в копилке, Фаина отдала соседским детям, после чего всю ночь не могла уснуть. Не от проснувшейся позже жадности, нет – от радости и волнения.

В Таганроге, по воспоминаниям Раневской, было множество меломанов. Ее знакомые присяжные поверенные попеременно собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих композиторов. Однажды для выступления в специальный концертный зал пригласили самого Скрябина! Фаине довелось при этом присутствовать. Она запомнила, что у рояля стояла большая лира из цветов и что Скрябин, выйдя к инструменту, улыбнулся цветам. Лицо его было совершенно обычным, можно даже сказать – заурядным, пока он не стал играть. И тогда Фаина услышала и увидела перед собой гения. Она считала, что именно этот концерт навсегда втянул ее душу в музыку, которая стала страстью ее долгой жизни.

В воспоминаниях Фаины Раневской Таганрог предстает совсем не таким скучным городом, как в воспоминаниях Чехова. И это несмотря на то, что особой любви к родному городу Раневская никогда не выказывала, а уехав из него в 1915 году в Москву, более там никогда не бывала.

Раневская и Чехов не были знакомы, но невозможно родиться в одном и том же городе, провести в нем детство и юность и ни разу не соприкоснуться друг с другом, пусть даже и опосредованно. Павел Егорович Чехов, отец великого писателя, построил в Таганроге каменный дом на углу Елисаветинской улицы и Донского переуллка, где в юности жил и сам Антон Павлович. Об этом доме было упомянуто во вступительном слове автора – дом Чеховых находится примерно на полпути от железнодорожного вокзала до дома номер 12 по Николаевской улице, который Гирш Фельдман выстроил для своей семьи.

Перед самым отъездом сына на учебу в Москву Павел Егорович, будучи в то время сильно стеснен в средствах, заложил дом своему постояльцу, таганрогскому купцу Г. П. Селиванову за шестьсот рублей. В 1876 году Павел Егорович, владевший магазином с заслуживающей внимания вывеской «Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары», обанкротился и был вынужден бежать от кредиторов в Москву. Купец Селиванов, как и подобало торговому человеку, внакладе не остался – впоследствии он продал чеховский дом за пять тысяч рублей еврейскому благотворительному обществу, председателем которого был, как мы уже упоминали, не кто иной, как Гирш Хаимович Фельдман. Общество приобрело дом с определенной целью – устроить там еврейскую богадельню.

Гимназический товарищ Чехова, народоволец и лингвист, писатель и этнограф (большой специалист по чукчам), поэт и ученый Владимир Тан-Богораз так вспоминал о своем визите в эту богадельню: «Я посетил этот чеховский дом в один унылый осенний вечер. В доме было темно и грязно. Везде попадались узкие кровати, старые, неопрятные люди с седыми бородами, но комнаты остались без всяких изменений. Тот же старый полуподвальный вход и рядом деревянное крылечко без перил, похожее на приставную лестницу, те же неожиданные окна под самым потолком».

Между прочим, Богораз не раз бывал и в доме Фельдманов. Фаина Георгиевна однажды в шутку сказала Самуилу Яковлевичу Маршаку, что он еще совсем молодой в сравнении с ней, ведь она в детстве видела самого Богораз, беседующего с ее отцом на библейские темы на иврите. Самой Фаине эти темы были тогда непонятны, а Богораз она любила за его замечательные стихи, которые прочла много позже, когда уже жила в Москве.

В таганрогском театре, небольшом, но удобном, любовно построенном с помощью меценатов города, среди которых был и Гирш Фельдман, гастролировали не только провинциальные, но и известные, прославленные артисты. Фаине хорошо запомнился актер Павел Самойлов, игравший в спектаклях «Привидения» по Ибсену и произведший на нее, юную романтическую особу, сильное впечатление. Ей и в пожилом возрасте слышался его голос и виделись его глаза: «Мама, дай мне солнца...» Вспоминая Самойлова, Раневская каждый раз не могла сдержать слез...

Очень сильное впечатление на юную Фаину произвела опера. Первое впечатление от оперы, по ее собственному выражению, «было страшным». Впечатлительная девочка холодела от ужаса, когда кого-нибудь убивали, да вдобавок еще и пели при этом. Фаина Георгиевна рассказывала, что в театре она громко кричала и требовала, чтобы ее увезли в такую оперу, в которой не поют. Столь напугавшее ее зрелище называлось «Аскольдовой могилой». Когда же в самом конце убитые выходили раскланиваться, да при этом еще и улыбались, она почувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу. Должно быть, ее оттолкнула некоторая фальшь, присущая этому виду искусства, – ведь в реальной жизни люди куда больше разговаривают, нежели поют.

Страшно даже представить, что было бы, вспылал Фаина Раневская страстью к опере и возжелай она непременно стать оперной певицей. Нет никаких сомнений, что она, с ее талантами, добилась бы успеха и на оперных подмостках, но наша с вами потеря была бы невосполнимой. У нас не было бы ни госпожи Луазо из «Пышки», ни Иды Гуревич из «Ошибки инженера Кочина», ни мадам Скороход из «Мечты», ни Ляли из «Подкидыша», ни матери невесты из «Свадьбы», ни мачехи из «Золушки», ни Маргариты Ивановны из «Легкой жизни», ни Этель Сэвидж из «Странной миссис Сэвидж», ни Люси Купер из «Дальше – тишина»... И это, прошу заметить, далеко не все роли, сыгранные великой актрисой.

Но на наше с вами счастье юная Фаина просто бредила театром. В четырнадцать лет Раневская познакомилась с молодой актрисой Художественного театра Алисой Коонен. Дело было в Крыму, в Евпатории. Вне всяких сомнений, это знакомство укрепило Фаину Фельдман в ее страстном желании стать актрисой. Одна из племянниц Алисы – Нина Сухоцкая, тоже проводившая лето 1910 года в Евпатории, станет впоследствии подругой Фаины Раневской. Близкой, настоящей подругой, на всю жизнь. Их дружба начнется в 1930 году, когда Фаина Георгиевна поступит в труппу Московского Камерного театра, где уже будет служить Нина Сухоцкая.

Очень ценно воспоминание Нины Станиславовны, описывающее внешность юной Фаины, то, чего нельзя прочесть по дошедшим до нас фотографиям актрисы. Сухоцкая говорит о Фаине как об обаятельной, прекрасно, иногда несколько эксцентрично одетой молодой девушке, остроумной собеседнице, приносившей в дом атмосферу оживления и праздника. Сухоцкой Фаина казалась очень красивой, даже несмотря на неправильные черты ее лица. Огромные лучистые глаза, столь легко меняющие выражение, чудесные пышные, волнистые, каштановые, с рыжеватым отблеском волосы, прекрасный голос, неистощимое чувство юмора и, наконец, природный талант, сквозивший буквально в каждом слове Фаины, в каждом ее поступке, – все это делало ее обворожительной, привлекательной и притягивало к ней людей.

Амбициозным планам юной Фаины Фельдман было тесно в родном Таганроге. Подобно сестрам Прозоровым, героиням чеховских «Трех сестер», она стремится в Москву! Только в отличие от сестер она туда попадает. В 1913 году, мольбами и уговорами выбив из родителей малую толику денег, Фаина Фельдман впервые едет в Москву, где, не теряя времени даром, сразу же отправляется на обход театров в поисках работы. Актёров в Москве пруд пруди, да к тому же Фаина сильно нервничает, оттого все больше заикается и даже чуть что – падает в обморок.

Иронизируя над собой (а это умение доступно немногим), Фаина Георгиевна говорила, что родилась в конце прошлого века, в ту пору, когда в моде еще были обмороки. Ей очень нравилось падать в обморок, к тому же она никогда не расшибалась, поскольку старалась падать грациозно, красиво. С годами, конечно же, это увлечение понемногу прошло.

Больше всего актрисе запомнился один из обмороков, надолго сделавший ее счастливой. В тот, совершенно обычный на первый взгляд, день Раневская шла по Столешникову переулку, разглядывая поражающие взор витрины роскошных магазинов, как вдруг рядом с собой услышала голос человека, в которого была влюблена. Влюблена сильно, страстно, по ее собственному выражению – «до одурения». Фаина собирала фотографии любимого, писала ему письма, но никогда их не отправляла, караулила объект своей страсти у ворот его дома, словом – совершала все полагающиеся влюбленной поступки.

Услышав голос любимого, Раневская поспешила упасть в обморок, но от волнения упала неудачно и довольно сильно расшиблась. Сердобольные прохожие занесли бедняжку в кондитерскую, находившуюся совсем рядом, которая принадлежала тогда супружеской паре – французке с французом. Добрые супруги влили девушке в рот крепчайший ром, от которого она тотчас же «пришла в себя» и... снова немедленно потеряла сознание, на сей раз по-настоя-

щему, так как все тот же любимый голос спросил ее, не очень ли сильно она расшиблась. О том, что было дальше, история умалчивает.

Чужой незнакомый город так не похож на образ хлебосольного Первопрестольного града, созданного поэтами и мечтаниями Фаины. Деньги тают (дороговизна в сравнении с Таганрогом ужасная), жилье – дрянь, в театральных дирекциях равнодушные люди кривят губы и бестактно советуют: «Театр не для вас, у вас к нему профессиональная непригодность. Не морочьте голову ни себе, ни другим».

Узнав о мытарствах дочери, отец выслал ей денег на дорогу и потребовал, чтобы она немедленно возвращалась домой. Фаина повиновалась.

Если Гирш Фельдман думал, что дочь, хлебнув самостоятельной жизни, перебесится, возьмется за ум и откажется от дурацких идей, то он ошибался.

Фаина и не думала сдаваться. Она отступила, чтобы подготовиться к новому наступлению на столичные театры.

Столичные театры были обречены, но тогда они еще не знали об этом.

По возвращении домой Фаина сдала экстерном экзамены за курс гимназии и стала посещать занятия в частной театральной студии Ягелло, где училась всему необходимому для своей будущей профессии: свободно двигаться на сцене, правильно говорить, красиво жестикулировать.

У Фаины не оставалось сомнений – она будет актрисой! Она должна посвятить свою жизнь сцене! В этом смысл ее жизни, ее цель, ее предназначение! «Профессию я не выбирала, – скажет позже Раневская, – она во мне таилась».

До тех пор, пока Фаина не заявила о том, что по-прежнему хочет стать актрисой, отец снисходительно взирая на ее увлечение театром. Чем бы дитя ни тешилось... Но стоило дочери огласить свое решение, как родительский (преимущественно – отцовский) гнев обрушился на ее прелестную головку.

Дочь Гирша Фельдмана – профессиональная актриса? О, разве этот мир перевернулся с ног на голову, чтобы можно было допустить такое? Дитя одного из самых состоятельных и уважаемых горожан Таганрога станет за деньги кривляться на потеху публике? Что скажут люди?

Стоит только задуматься о том, что скажут люди, как жизнь сразу же начинает катиться к чертям. Опасный это вопрос, лучше никогда его не задавать. Ни себе, ни окружающим.

Очередной долгий разговор с отцом, а если точнее – очередной монолог отца (ведь детям полагается только кивать в ответ на родительские поучения, не более того) был полон упреков, и смысл его сводился к одному: он ничего не имеет против того, чтобы содержать свою родную дочь, но в благодарность он требует от нее послушания.

Послушание? На дворе стоял 1915 год, воздух насыщался ожиданием скорых перемен и потрясений, пах, как говорится, грозой, дышал предвкушением свободы, а таганрогский делец Фельдман пытается удержать дочь-мечтательницу в рамках патриархально-буржуазных понятий. Занялся бы лучше своими делами, пошатнувшимися из-за мировой войны.

«Посмотри на себя в зеркало – и увидишь, что ты за актриса!» – привел последний довод отец.

После разговора с отцом Фаине впервые захотелось навсегда уйти из дома и начать самостоятельную жизнь. Будучи натурой деятельной, кипучей, она не стала откладывать свое намерение в долгий ящик. Тем более что к тому времени она успела отзаниматься в частной театральной студии, сыграть несколько ролей в постановках ростовской труппы Соболюшкина-Самарина, а также в любительских спектаклях. Фаина даже справилась со своим заиканием, путем долгих упорных тренировок она выучилась говорить, чуть растягивая слова, и дефект речи безвозвратно исчез. Навсегда.

Фаина покинула отчий дом с небольшим чемоданчиком в руках и отправилась в Москву, чтобы поступить в театральную школу. В ее активе была небольшая сумма денег, а также обещание матери в случае нужды помогать деньгами. «Господи, мать рыдает, я рыдаю, мучительно больно, страшно, но своего решения я изменить не могла, я и тогда была страшно самолюбива и упряма... И вот моя самостоятельная жизнь началась... Простые люди только могли мечтать о театре, а взбалмошные сыновья и дочери обеспеченных родителей вроде меня стремились зачем-то попасть на сцену – с жиру бесились, как сказал бы наш дворник, а у моего отца был даже собственный дворник, не только пароход...» – вспоминала Раневская.

Лето 1915 года... Совсем недавно германская армия нанесла русским войскам два мощных удара, прорвав фронт в районе Мемеля – Либавы (Восточная Пруссия) и в Галиции. Для того чтобы избежать окружения, русская армия начала общее стратегическое отступление. Совсем недавно родилась Элеонора Фэгэн, которая впоследствии станет великой американской певицей под именем Билли Холидей. Совсем недавно у города Гретна Грин в северо-западной Шотландии воинский эшелон столкнулся с пригородным поездом, после чего в обломки двух поездов врезался третий состав. В результате крупнейшей за всю британскую историю железнодорожной катастрофы погибло сто пятьдесят семь человек.

Совсем недавно Япония предъявила Китаю ультимативный документ «Двадцать одно требование», предусматривавший установление военного и экономического контроля Японии над основными жизненными центрами на китайской территории, а также за промышленной и коммерческой деятельностью Китая.

А по Москве, из театра в театр, в поисках места ходит юная восторженная провинциалка, и с каждым отказом от ее восторга остается все меньше и меньше...

Глава вторая Москва

*Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это...*

Анна Ахматова. «Наследница»

Екатерина была третьей дочерью в артистической семье Гельцеров и театром бредила с детства. Детская игра в «театр» выливалась в настоящие спектакли – с декорациями, костюмами, подбором и разучиванием ролей.

Она стала балериной. Темпераментной, исполненной природного обаяния балериной. Талант, умноженный на труд, сделал ее любимицей публики, которую повсюду принимали с восторгом. В газетах писали, что она «своими головокружительными и умопомрачительными турами, пируэтами и другими тонкостями хореографического искусства приводит в неописуемый восторг весь зрительный зал».

«Без труда нет искусства, – делилась своими секретами Екатерина Гельцер. – Труд рождает виртуозность. Жалко, но необходимо порой пожертвовать эффектной комбинацией, блестящим, но неоправданным выходом. Образ в нашем искусстве всегда должен быть столь же ясным и глубоким, как и в драме. Разучивая какую-нибудь классическую партию, я одновременно вхожу в жизнь той, чью судьбу должна протанцевать на сцене. Нужно искать черты реальной жизни в любой сказочной героине, самом фантастическом сюжете. Ведь все это создают люди, опираясь на жизнь, на прожитые нами ситуации, неповторимые и разнообразные. Знай жизнь и умей ее воспроизвести – лозунг, кажется, простой. А сил приходится затрачивать много... Я пробираюсь сквозь дебри литературного произведения и музыкальную партитуру, спорю с балетмейстером. Наконец выбран рисунок движения, ясной кажется эмоциональная окраска образа, обдуманы все мельчайшие детали. Подчинены целому все частности, внутренне я установила для себя равновесие между чисто танцевальными и пантомимическими приемами, согласна со всеми темпами в картинах. Много раз продуманы грим, костюм, головной убор, отброшено все лишнее, мешающее ощутить свободу на сцене...»

Под этими словами могла бы подписаться и Фаина Раневская. Ее отношение к своим ролям, ее взгляды на искусство, ее готовность отстаивать свою точку зрения, невзирая на лица и обстоятельства, ее скрупулезное внимание к мельчайшим деталям, целостность создаваемых ею образов – все это наглядно свидетельствует о том, что они с Екатериной Гельцер были родственными душами.

А мимо родственной души пройти невозможно – непременно что-то кольнет в сердце, зацепит и заставит остановиться.

Неудачи не сломили Раневскую, не изменили ее решения быть на сцене. С большим трудом она устроилась в частную театральную школу, которую вскоре была вынуждена оставить из-за невозможности оплачивать уроки.

Фаина не могла оплачивать не только уроки, но и жилье. Деньги, с которыми она приехала в Москву, таяли на глазах, а единственная работа, которую ей удалось найти (да какая там работа – подработка в цирковой массовке!), была крайне нерегулярной, да и приносила сущие гроши. В один прекрасный летний день Раневская осталась без крыши над головой.

«Каждому – свое», – говорили древние римляне. Возможно, Владимир Гиляровский, оказавшись в подобной ситуации, и не подумал бы расстраиваться. Лето же на дворе – можно отправиться хотя бы в те же Сокольники и переночевать под первым понравившимся деревом. А можно и не в Сокольники – разве мало в Москве уютных уголков?

Для девушки из добропорядочного провинциального буржуазного семейства, привыкшей к мягким перинам и кружевному постельному белью, ночлег на улице был невыносим. Она попала в поистине безвыходную ситуацию. Остаться в Москве без денег и работы невозможно, так же как и повторно вернуться неудачницей домой.

Из всех возможных вариантов действия Фаина выбрала самый бесперспективный – рыдалась в самом сердце безжалостного города, как известно, слезам совершенно не верящего. Правда, место для рыданий выбрала изысканное – прямо возле колонн Большого театра. Да и где же оплакивать несостоявшуюся актерскую судьбу, где прощаться навек со сценой, как не здесь? Фаина Раневская всегда отличалась чувством стиля.

Бесперспективный вариант на деле оказался судьбоносным. Рыдающая девушка привлекла внимание проходившей мимо Екатерины Гельцер, прима-балерины Большого театра.

Тремя годами ранее – в 1912 году Екатерина Гельцер попыталась проявить себя на педагогическом поприще, открыв балетную школу, но потерпела поражение. Превосходный хореограф, она оказалась чересчур вспыльчивой для того, чтобы стать столь же хорошей учительницей. Великой балерине всегда не хватало сдержанности – и на сцене, и в жизни эмоции всегда брали верх. Родную сестру (неплохую, надо сказать, драматическую актрису) Любу бросил муж, Иван Москвин (известный актер, будущий народный артист СССР, депутат, лауреат и директор МХАТа). Да не просто бросил, а предал – променял ее на Аллу Тарасову (одна из звезд советской эпохи, сыгравшая Анну Каренину в одноименном фильме 1953 года). Выход один – ударить Москвина по лицу!

Екатерина Васильевна привела плачущую Фаину к себе домой.

Сдружились они практически сразу же и дружили без малого сорок лет, до самой смерти Екатерины Гельцер.

«Фанни, вы меня психологически интересуете», – признавалась Гельцер. Она искренне восхищалась молодостью и самоотверженностью Фаины: «Какая вы фэномэнально молодая, как вам фэномэнально везет!» Радуюсь первым успехам Фаины, Екатерина Васильевна признается ей: «Когда я узнала, что вы заняли артистическую линию, я была очень горда, что вы моя подруга».

Екатерина Гельцер была умна, остра на язык и имела привычку называть вещи своими именами. Так, например, рассказывая Фаине о московском театральном закулирье, она называла актерское общество «бандой», имея в виду нравы, в нем царившие.

«Я обожала Гельцер», – говорила Фаина Раневская после смерти Екатерины Васильевны, скончавшейся в 1962 году в Москве восьмидесяти семи лет от роду.

Порой во время бессонницы Екатерина Васильевна могла позвонить Раневской в два, а то и в три часа ночи с каким-нибудь вопросом (Фаина Георгиевна всегда пугалась этих ночных звонков). Вопросы у Гельцер всегда были самые неожиданные, особенно в ночное время. Например, она могла спросить: «Вы не можете мне сказать точно, сколько лет Евгению Онегину?» – или попросить немедленно объяснить ей, что такое формализм.

При всем этом, по свидетельству Раневской, Екатерина Васильевна была необыкновенно умна. Ее кажущуюся наивность, ее ночные звонки Фаина Георгиевна относил за счет причуд, присущих каждому гению.

Екатерина Гельцер делилась с Раневской сердечными тайнами. Однажды сообщила, что ей безумно нравится один господин и что он «древнеримский еврей». Слушая ее, Фаина от души хохотала, но Гельцер никогда на нее за это не обижалась. Она вообще была очень добра

и очень ласкова с Фаиной. «Трагически одинокая», по выражению Раневской, она относилась к ней с подлинно материнской нежностью.

Гельцер любила вспоминать молодость. Вспоминала свою самую первую периферию – город Калугу, рассказывала, что мечтает сыграть немую трагическую роль. «Представьте себе, – говорила она Раневской, – что вы – моя мать и у вас две дочери, одна из которых немая, и потому ей все доверяют, но она жестами и мимикой выдает врагов».

«Каких врагов?» – улыбалась Раневская. «Неважно каких», – отвечала Гельцер и начала импровизировать, придумывая на ходу сюжет драмы, которую они бы вместе исполняли. «Я жестами показываю вам, что наступают враги! Вы поняли меня, враги побеждены, кругом радость и ликование, и мы с вами танцуем Победу!» «Екатерина Васильевна, дело в том, что я не умею танцевать», – робко возражала Раневская. «Неважно, – отмахивалась Гельцер, безумно переживавшая, что уже не танцует на сцене. – Тогда я буду одна танцевать Победу, а вы будете бегать где-нибудь рядом!»

Фаина буквально растворилась в театральной Москве. Они с Гельцер не пропускали ни одного спектакля Художественного театра, были завсегдатями театра-кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь».

Та «Летучая мышь» уже растворилась в вечности вместе со своими зрителями, но многие читатели, должно быть, помнят шумный успех театра-кабаре «Летучая мышь», воссозданного столь рано ушедшим от нас Григорием Ефимовичем Гурвичем. И впрямь создавалось впечатление, что театр-кабаре «Летучая мышь», покинувший Россию в 20-е годы прошлого века для того, чтобы блистать на сценах Парижа и Бродвея, вернулся в Москву после антракта, затянувшегося почти на семьдесят лет...

В Оперном театре Зимина, дававшем представления на сцене театра Солодовникова (ныне там располагается Московский театр оперетты), Раневской довелось услышать самого Шаляпина!

Каждый свободный вечер Фаина проводила в театре. Экономя деньги, заглядывала в окошечко администратора и проникновенно-печально произносила: «Извините меня, пожалуйста, я провинциальная артистка, никогда не бывавшая в хорошем театре». На первый раз хитрость удавалась всегда – администратор протягивал Фаине контрамарку. Но при попытке получить контрамарку вторично администратор одного из театров отказал Раневской, сказав: «Вы со своим лицом запоминаетесь».

Первым своим учителем Раневская считала Художественный театр, где она по несколько раз смотрела все спектакли, шедшие в тот сезон. Особенно запомнился ей Константин Сергеевич Станиславский в роли генерала Крутицкого из «На всякого мудреца довольно простоты». Когда же Фаина впервые попала в Художественный театр на «Вишневый сад» (оцените только актерский состав: Станиславский играл Гаева, Николай Осипович Массалитинов – Лопахина, Ольга Книппер-Чехова выступала в роли Раневской!), то от восторга и благоговения впала в прострацию и очнулась лишь тогда, когда к ней обратился капельдинер.

Однажды Раневская шла по Леонтьевскому переулку и увидела пролетку, в которой сидел Станиславский. От неожиданности она растерялась, а потом побежала за ним, крича: «Мальчик мой дорогой!» Станиславский смотрел на экзальтированную девицу добрыми глазами и смеялся.

«Мальчик мой дорогой!» Эту случайную встречу Фаина Георгиевна пронесет в сердце через всю свою жизнь... Она боготворила Станиславского, преклонялась перед ним, обожала его.

Не стоит считать этот период в жизни Раневской совершенно уж безоблачным. Таких периодов в ее жизни не было вовсе. Фаина с трудом сводила концы с концами, тем более что рачительностью и умением экономить она никогда не отличалась, но мелкие житейские проблемы не могли затмить всего остального. Екатерина Гельцер вдохнула в Фаину новые силы,

возродила угасшую было надежду на сценическое будущее и принялась за поиски места для своей новой подруги. «Гельцер показала мне всю Москву тех лет. Это были „Мои университеты“», – вспоминала Раневская.

Фаина была счастлива, ведь почти добилась своего: она вот-вот станет актрисой, она будет играть на столичной сцене (и пусть вначале ее роли будут незначительны и зачастую вообще без слов, но это только вначале), у нее появились новые знакомые, и какие! Один Владимир Маяковский, с которым она познакомилась в доме Екатерины Васильевны, стоил тысячекратно больше всего таганрогского «высшего света» с высокомерными провинциальными толстосумами и их чванными женами.

Вот каким его описала Ахматова в своем стихотворении «Маяковский в 1913 году»:

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, – разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневно,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

«У меня до сих пор за него душа болит. Его убили пошлостью», – часто повторяла Раневская, вспоминая Маяковского. Она дружила с Норой Полонской, той самой актрисой МХАТа Норой Полонской, которая была последней любовницей Маяковского. Причем свела ее в свое время с поэтом сама Лиля Брик, рассчитывая подобным образом отвлечь Владимира от более опасной соперницы.

С Мариной Цветаевой Раневскую тоже познакомила Гельцер.

Как-то раз Екатерина Васильевна сказала Раневской, что, как ей кажется, она нашла для своей подруги хорошую работу. Хорошая работа находилась довольно далеко от Москвы (по тем временам, разумеется), в дачном поселке Малаховка, где землевладелец и по совместительству завязанный театрал Павел Алексеевич Соколов четыре года назад восстановил сгоревший Летний театр и куда в сезон съезжались из обеих столиц лучшие актеры. Новый театр был построен по эскизу самого Шаляпина, который поспорил с Соколовым, что тот не успеет выстроить здание к летнему театральному сезону 1911 года, и проиграл. Чудесный деревянный

театр с залом, рассчитанным на пятьсот зрителей, и великолепной акустикой был построен плотниками за пятьдесят два дня!

Во время последних гастролей в малаховском Летнем театре в 1920 году Федор Иванович Шаляпин оставил автограф прямо на стене одной из театральных артистических уборных. К сожалению, до наших дней театр не дожил – сгорел, подобно своему предшественнику, в 1999 году.

Многие читатели вспомнят здание с колоннами в старом парке и черную мемориальную доску с надписью: «Памятник культуры Серебряного века. На сцене театра играли Садовская, Петипа, Радин, Певцов, Раневская».

Здесь все было изысканно и восхитительно, начиная с афиш, этих подлинных шедевров, созданных талантливыми художниками Иваном и Георгием Пашковыми! Разве можно было равнодушно пройти мимо красочной афиши, соблазнявшей битвой конфетти и пестрого серпантина среди моря живых цветов и обещавшей на десерт великолепный спектакль, после которого зрителей ждали живые картины с восхитительным фейерверком?

Театр появился в Малаховке не случайно – уникальный местный климат, «виновником» которого был чудесный сосновый лес, манил к себе летом множество москвичей. Кроме того, Малаховка стала своеобразной богемной меккой того времени. Началось все с писателей. Первым в Малаховке обосновался на лето либеральный писатель Николай Телешов, основатель знаменитых «Телешовских сред», литературных вечеров, участником которых стал весь цвет литературной Москвы начала XX века: Андреев, Бальмонт, Брюсов, Куприн, Бунин, Вересаев, Гиппиус, Серафимович, Горький и многие другие.

Дом под номером 18/15, в котором проходили «Телешовские среды», стоит и поныне на углу Покровского бульвара и Подколокольного переулка. На доме даже установлена мемориальная доска с профилем Телешова. Будете рядом – можете полюбоваться.

За Телешовым потянулись другие писатели, увлекая за собой актеров, художников, музыкантов. Так началась «оккупация» этого райского места творческой публикой. Бывали здесь и Есенин с Маяковским, последний именно здесь летом того же 1915 года и познакомился с Лилей Брик.

На сцене малаховского Летнего театра пели Шаляпин, Собинов, Нежданова, Вертинский, выступали такие драматические актеры, как Яблочкина, Садовская, Коонен, Остужев, Тарханов.

По рекомендации Екатерины Васильевны Раневскую приняли в Летний театр, предложив ей играть «на выходах». Представляя Фаину антрепризе театра, Гельцер сказала: «Знакомьтесь, это моя закадычная подруга Фанни из провинции». Денег начинающей актрисе положили совсем немного, но это не отпугнуло Фаину. Главным преимуществом служения в Летнем театре для Раневской была возможность набраться опыта, научиться ремеслу у корифеев русской сцены, с которыми ей предстояло играть вместе. И это после того, как совсем недавно ей заявляли, что «в артистки она не годится».

Важную роль в судьбе актрисы Раневской сыграла великая Ольга Осиповна Садовская, заслуженная артистка Императорских театров. Кстати говоря, этого почетного звания за все время с 1896 по 1918 год было удостоено всего двадцать восемь человек!

Садовская, которой в ту пору было больше шестидесяти лет, не могла передвигаться по сцене и вынуждена была играть, сидя в кресле, но и в нем Ольга Осиповна играла так, что у зрителей захватывало дух от восхищения!

Зрители на всю жизнь запоминали ее Кукушкину в «Доходном месте», Аполлинарию Антоновну в «Красавце-мужчине», Галчиху в «Без вины виноватых» или Домну Пантелеевну в «Талантах и поклонниках».

Только в Малаховке можно было случайно оказаться на одной садовой скамейке с Садовской, Раневская вспоминала об этих чудесных днях с трогательной непосредственностью. В

один летний солнечный день она уселась на садовую скамейку подле театра, возле дремавшей на свежем воздухе старушки.

И вдруг кто-то, здороваясь с соседкой Фаины, сказал: «Здравствуйте, наша дорогая Ольга Осиповна». Только тогда Раневская поняла, рядом с кем она сидит. Рядом с самой Садовской!

Фаина вскочила словно ошпаренная и запрыгала на месте от восторга. Садовская обратила на нее внимание и спросила: «Что это с вами? Почему вы прыгаете?» Заикаясь, что к тому времени случалось лишь при сильном волнении, Фаина ответила, что прыгает от счастья, оттого, что сидела на одной скамейке рядом с великой Садовской и что сейчас побежит хвататься к подругам.

Ольга Осиповна засмеялась и сказала: «Успеете еще, сидите смирно и больше не прыгайте». Раневская заявила, что сидеть рядом с ней уже не сможет, но просит разрешения постоять! Со словами «Смешная какая вы, барышня. Расскажите, чем вы занимаетесь?» Ольга Осиповна взяла Фаину за руку и усадила рядом с собой. «Ольга Осиповна, прошу вас, дайте мне опомниться от того, что сижу рядом с вами!» – взмолилась Раневская. Затем она рассказала Садовской, что хочет быть актрисой, а сейчас в этом театре служит на выходах. Ольга Осиповна все смеялась, а потом спросила, где Раневская училась. Та созналась, что в театральную школу ее не приняли, потому что сочли некрасивой и лишенной таланта.

Раневская всю жизнь гордилась тем, что насмешила до слез саму Ольгу Осиповну Садовскую. Надо сказать, что она многому научилась у Садовской, но главным учителем «малаховской поры» стал для нее Илларион Николаевич Певцов, о котором Фаина Георгиевна писала, что считает его первым своим учителем.

Илларион Николаевич очень любил молодежь. После спектакля часто звал молодых актеров и актрис с собой гулять. Он учил их любить природу, внушал, что настоящий артист обязан быть образованным человеком, должен хорошо разбираться в литературе, живописи, музыке. Раневская в точности передавала его слова, обращенные к молодым актерам: «Друзья мои, милые юноши, в свободное время путешествуйте, а в кармане у вас должна быть только зубная щетка. Смотрите, наблюдайте, учитесь».

Певцов пытался убить в молодежи все обывательское, мещанское. Он часто повторял им: «Друзья мои, прошу вас – не обзаводитесь вещами, не давайте им лишить вас свободы, бегайте от вещей». Илларион Николаевич вообще был очень искренним, открытым, бескорыстным человеком. Всей душой ненавидел он стяжательство, жадность, пошлость. Верность его заветам Фаина Раневская пронесла сквозь всю свою долгую жизнь.

Его слова она вспоминала до последнего дня. Он для нее был не просто Певцов, а «милый, дорогой, любимый Илларион Николаевич Певцов». «Я любила и люблю его», – признавалась актриса. И тут же вспоминала чеховские слова: «Какое наслаждение – уважать людей».

Играл Певцов бесподобно – всякий раз, выходя на сцену, он проживал жизнь своих героев от начала до конца, он не представлял зрительному залу персонаж, он становился этим персонажем.

В пьесе «Вера Мирцева» героиня застрелила изменившего ей возлюбленного, а подозрение в убийстве пало на друга убитого, которого играл Певцов. На всю жизнь запомнилось Раневской лицо Певцова, залитое слезами, его дрожащий, срывающийся голос, голос, каким он умолял снять с него подозрение в убийстве, потому что убитый был ему добрым и единственным другом. Даже по прошествии многих лет, говоря об этом одаренном актере, Фаина Георгиевна испытывала сильное волнение, обусловленное тем, что Певцов не играл на сцене, он вообще не умел играть. Он жил, он был своим героем, он сам терзался муками утраты дорогого ему человека... Гейне сказал, что актер умирает дважды, но Раневская не была согласна с этим утверждением. Ведь с той поры прошли десятилетия, а Илларион Николаевич Певцов

словно живой все стоял у нее перед глазами, продолжая жить там, где время было над ним не властно, – в сердце его ученицы.

Раневской посчастливилось видеть Иллариона Николаевича и в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины». Эта роль Певцова также запомнилась ей на всю жизнь.

Фаина Георгиевна вспоминала, что когда она узнала о своем участии в этом его спектакле, она, сильно волнуясь и крайне робея, подошла к Иллариону Николаевичу и попросила дать ей совет, касающийся того, что ей следует делать на сцене, если у нее нет ни одного слова в роли. «А ты крепко люби меня, и все, что со мной происходит, должно тебя волновать», – не раздумывая, ответил Певцов.

Раневская послушалась – она любила его так крепко, как он попросил.

И когда спектакль окончился, она продолжала громко плакать, мучаясь судьбой его героя, и никакие утешения подруг не могли ее утешить. Тогда кто-то из подруг побежал к Певцову за советом. Добрый Илларион Николаевич пришел в гримерную к Раневской и спросил ее: «Что с тобой, Фаина?» – «Я так вас любила, Илларион Николаевич, так крепко любила вас весь вечер», – всхлипнула Раневская. «Милые барышни, – сказал Певцов, обращаясь к девушкам из той же гримерной, собравшимся вокруг Фаины, – вспомните меня потом: она будет настоящей актрисой!»

Певцов не ошибся – Фанни Фельдман стала Настоящей Актрисой. Фаиной Раневской.

По поводу происхождения ее псевдонима существует несколько версий. «Раневской я стала прежде всего потому, что все роняла. У меня все валилось из рук. Так было всегда», – признавалась Фаина Георгиевна. Согласно второй версии ее спутник сравнил Фаину с героиней чеховской пьесы, увидев, как Фаина смеется над тем, что ветер вырвал у нее из рук деньги, и повторяет: «Как красиво они летят!» А может быть, причина кроется в том потрясении, которое испытала Фаина в 1913 году, увидев постановку «Вишневого сада» на сцене Московского Художественного театра...

Восхождению новой звезды российской сцены помешала Первая мировая война. Российская империя трещала по швам, жизнь день ото дня становилась все хуже и хуже, и вскоре москвичам стало не до театральных пиршеств в Малаховке. Их заботили более важные проблемы, в первую очередь – добыча хлеба насущного, ибо жизнь постепенно превращалась в выживание.

По возвращении из Малаховки в Москву Раневской долго пришлось обивать пороги театрального бюро, пока ей не удалось получить предложение попробовать себя в амплуа героини-кокот (проще говоря – обольстительницы с умением петь и танцевать) в Керчи в антрепризе Лавровской.

Выбирать не приходилось, раздумывать было нельзя – Раневская согласилась и уехала в Керчь. Впоследствии она вспоминала этот период своей жизни с присущей ей иронией. Вспоминала свой первый сезон в Крыму, вспоминала, как играла в пьесе Сумбатова-Южина прелестницу, соблазняющую юного красавца.

Действие пьесы происходило в горах Кавказа. Раневская стояла на бутафорской «горе» и говорила противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» Начав «скользить как змея» после этих слов, Раневская свалила декорацию, изображавшую гору, и больно ушибла своего партнера. Публика содрогалась от смеха, а стонущий от боли партнер пообещал оторвать своей неуклюжей партнерше голову.

Возвратившись домой, Фаина Раневская дала себе слово уйти со сцены.

На счастье будущих поклонников ее таланта, она своего слова не сдержала.

Глава третья Смутное время

*В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома...*

Анна Ахматова. «Петроград, 1919»

Антреприза Лавровской просуществовала недолго, причем актеров обманули и не заплатили им ни гроша.

С деньгами можно было бы вернуться в Москву, а без них оставалось лишь кочевать по Крыму в поисках работы. Актерской работы – больше ничего Фаина Раневская делать не умела и не желала.

Существовала альтернатива – плюнуть на старые обиды и добраться до родного Таганрога, который был совсем рядом, но Раневская о нем даже не думала. Во всяком случае, за всю свою долгую жизнь она никому и никогда не говорила о том, что была у нее такая вот идея – вернуться домой и зажечь «по-человечески».

Лучше уж так – перебиваться случайными заработками, порой продавая что-то из своих вещей, а порой и голодая. По-настоящему.

В Петрограде из-за сбоя поставок в город продовольствия 23 февраля 1917 года начинаются стихийные митинги, демонстрации и забастовки. Большевики, меньшевики, эсеры, анархисты и почти все остальные партии призывают к революции и свержению монархии. 25 февраля выступления перерастают во всеобщую политическую стачку. 26 февраля была расстреляна крупная демонстрация на Невском проспекте, по столице прошли массовые аресты. Расстрел демонстрации вызвал недовольство в армии, почти сразу же перешедшее в мятежи. 27 февраля 1917 года началось вооруженное восстание в Петрограде, причем к революционным народным массам присоединились солдаты. В течение дня толпы восставших захватили вокзалы, мосты и даже главный арсенал...

В ночь со 2 на 3 марта 1917 года Николай II подписал Манифест о своем отречении и отречении своего сына Алексея от престола в пользу своего родного брата Михаила Александровича. Михаил Романов, совершенно не обрадовавшийся так неожиданно свалившейся на его голову короне, подписал акт об отречении 4 марта, передав власть Временному правительству.

Мирная жизнь тихого, неторопливого, курортного Крыма осталась в прошлом. Городской гарнизон Евпатории присягнул Временному правительству... Прошли досрочные выборы новых гласных Евпаторийской думы, в результате которых был практически полностью обновлен ее состав... Формируются Советы рабочих, солдатских и матросских депутатов... Назначается губернский комиссар Временного правительства... Резко активизируется деятельность политических партий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.